

Научная статья

УДК 008 (091)

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-191

EDN: DUUKMS

Семиотический дискурс города Кашина

Анастасия Андреевна Суслова

Ассистент кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республикаанская, д. 108/1
Nastyaa424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Аннотация. Статья посвящена анализу города Кашина как семиотической системы, интерпретируемой через концепцию «городского текста» в рамках подходов Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, представителей Тартуско-Московской школы. Целью является выявление культурной семантики Кашина через анализ трёх аспектов: имени города, его пространственной организации и темпорального измерения, а также в определении уникального семиотического потенциала Кашина как провинциального локуса в контексте исторической области Бежецкий Верх. Задачи исследования включают описание пространственной структуры города, реконструкцию его временного нарратива, анализ семантики топонима «Кашин» через изучение версий его происхождения, а также герменевтический разбор связанных с городом символов, легенд и современных культурных практик. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом культурологии к изучению провинциальных городов как носителей региональной идентичности, а также необходимостью осмыслиения культурного наследия Кашина. Новизна исследования связана с малоизученностью малого города Кашина, с отсутствием работ, посвященных его семиотическому анализу. В качестве источников использованы Лаврентьевская, Симеоновская и Троицкая летописи, предоставляющие данные об исторических событиях и фигуре Анны Кашинской; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля для анализа этимологии топонима; материалы о геральдике городов России с электронного ресурса «Гербы России»; а также схема градостроительной композиции Кашина, отражающая его пространственную структуру. Методологическая основа исследования базируется на семиотическом подходе, а также культурно-историческом, семиотическом, герменевтическом, символическом и аксиологическом методах. Анализ выявил г. Кашин как многослойный семиотический текст. Исследование демонстрирует, что Кашин обладает мощным семантическим потенциалом, объединяющим мифы, историю и повседневность, что способствует формированию региональной идентичности.

Ключевые слова: локальный текст; семиотика; кашинский текст; русская провинция; Кашин; региональная идентичность; малый город

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Ярославской области в рамках научного проекта 6НП/2024

Для цитирования: Суслова А. А. Семиотический дискурс города Кашина // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 191–199. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-191>. <https://elibrary.ru/DUUKMS>

Original article

The town of Kashin semiotic discourse

Anastasia A. Suslova

Lecturer at the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Nastyaa424m@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1016-2574>

Abstract. This article analyzes the town of Kashin as a semiotic system interpreted through the «urban text» concept based on the approaches of Y. M. Lotman and V. N. Toporov, representatives of the Tartu-Moscow school. The aim is to identify the cultural semantics of Kashin, analyzing three aspects: the town's name, its spatial organization, and its temporal dimension. The study aims to determine the unique semiotic potential of Kashin as a provincial locus within the historical context of the Bezhetsky Verkh region. Among the objectives are a description of the town's spatial structure, a reconstruction of its temporal narrative, the semantic analysis of the toponym «Kashin» through studying various versions of its origin, and a hermeneutic analysis of symbols, legends, and contemporary cultural practices

associated with the town. The relevance of the work is due to the growing interest in studying provincial cities as regional identity bearers, as well as the need to understand Kashin's cultural heritage. The lack of works devoted to the semiotic analysis and very few studies of the small town of Kashin determine the novelty of this research. It is based on the following sources: the Laurentian, Simeon, and Trinity Chronicles, which provide information on historical events and the figure of Anna of Kashin; V. I. Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language for analyzing the etymology of the toponym; materials on the heraldry of Russian cities from the electronic resource «Coats of Arms of Russia»; and Kashin's town-planning structure, reflecting its spatial layout. The methodological foundation of the research is based on the semiotic approach, as well as on cultural-historical, semiotic, hermeneutic, symbolic and axiological methods. The analysis shows Kashin as a multilayered semiotic text. The author demonstrates that Kashin has a powerful semantic potential, incorporating myths, history and everyday life, which contributes to shaping regional identity.

Key words: local text; semiotics; Kashin text; Russian province; Kashin; regional identity; small town

The study was carried out with the financial support of the Yaroslavl Region efficiency fund within the framework of the scientific project 6NP/2024

For citation: Suslova A. A. The town of Kashin semiotic discourse. *Verhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2025;(4):191–199. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-191>. <https://elibrary.ru/DUUKMS>

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена растущим интересом современной культурологии к проблемам взаимодействия человека с пространством и роли городских текстов как источников региональной идентичности, также актуальность связана с востребованной сегодня темой изучения провинциальной культуры и с выбранным для исследования городом – Кашином, являющимся частью малоисследованной, но богатой в культурном отношении исторической области – Бежецкий Верх. Материалом для исследования послужили Лаврентьевская, Симеоновская и Троицкая летописи; Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля; информация о геральдике городов России с электронного ресурса «Гербы России» и общая схема градостроительной композиции Кашина. Для определения уникального семиотического потенциала города Кашина мы ставим в задачи описание пространственной структуры Кашина, реконструкцию временного нарратива города, выявление семантики топонима «Кашин» через версии его происхождения, символы, что включает герменевтический разбор легенд, летописей и современных практик, чтобы показать, как имя транслирует сакральный потенциал города.

В рамках семиотического подхода, выделяемого как самостоятельное направление в изучении феномена города, культура трактуется как знаково-символическая система, а город – как текст, знаковая система, транслятор и хранитель культурной информации и символических кодов.

Начало семиотического изучения города в русской науке связано с градоведческими работами И. М. Грэвса, где он резюмирует свой подход таким образом: «Полагая город предметом исторических экскурсий, нельзя ограничиться, как

обычно бывает, целью познакомиться лишь с внешнею физиономией его. <...> Надобно изучить его биографию, познать его именно как коллективную личность» [Гревс, 1921, с. 22]. Продолжает исследования города труд Н. П. Анциферова – в «Душе Петербурга» он подчёркивает идею о городе как семиотической системе, где каждый элемент – от истории до архитектуры – превращается в культурный текст, открытый для интерпретации. Каждый город по Анциферову уникален, он обладает «душой» – «души города»: это «исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм как конкретную индивидуальность» [Анциферов, 1926, с. 26]. Исследование эволюции образа Петербурга в художественных произведениях, проявленное учёным, определило направления развития теории и методологии изучения городского текста и сверхтекста в работах представителей Тартуско-Московской школы [Богумил, 2023, с. 223].

Семиотическая перспектива изучения города, укорененная в тартуско-московской традиции, позволяет переосмыслить провинциальные пространства не как маргинальные, а как поливалентные топосы, где локальный миф переплетается с национальным нарративом, обогащая дискурс о русской идентичности через призму региональной специфики.

Множество статей посвятили исследованию семиотики города Ю. М. Лотман и В. Н. Топоров. Ю. М. Лотман рассматривал город как сложную знаковую систему, где пространство, архитектура, культура и повседневная жизнь формируют «текст» города. Для В. Н. Топорова Петербург – «текст», который формируется через совокупность литературных, мифологических, исторических и символических элементов [Топоров, 2003].

Петербургский текст – это сверхтекст, объединяющий произведения различных авторов, в которых город выступает не просто фоном, а активным участником повествования, обладающим собственной семантикой.

Следуя концепции петербургского текста, были определены и охарактеризованы другие столичные (московский, киевский), провинциальные (permский, волжский, саратовский, самарский, вятский, елецкий, муромский и др.) и зарубежные (венецианский, римский, лондонский, ташкентский и др.) городские тексты [Богумил, 2023, с. 8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что анализ кашинского текста с точки зрения семиотики, выявленные символы, такие как Анна Кашинская, «кашинская вода» и присутствующая в городском устроении «иерусалимская матрица», могут быть использованы не только как базис для дальнейшего исследования локального текста малого города Кашина, но и для продвижения г. Кашина как духовного и оздоровительного центра Тверской области. Исследование подчеркивает значимость исторических, религиозных и архитектурных элементов Кашина, что может служить основой для программ по сохранению и популяризации культурного наследия, включая реставрацию храмов и развитие краеведческих инициатив. Результаты исследования предоставляют материалы для создания туристических маршрутов и т. д. Материалы исследования могут быть применены в образовательных программах по культурологии, семиотике, урбанистике и краеведению, способствуя углубленному изучению провинциальных городов России.

Обсуждение и результаты

Город Каин – малый провинциальный город в Тверской области. Выбран в связи с потребностью в формировании локальной идентичности и дальнейшей разработкой имиджа выбранной для исследования территории, а также исследования города Кашина является важной составной частью в исследовании локальных текстов исторической области Бежецкий Верх, к которой принадлежат города: Бежецк, Каин и Весьегонск. Говоря о кашинском тексте, мы мыслим его как локальный текст. У него есть определённый провинциальный локус – город в Тверской области – Каин, а также текст формируется на базе семиотических единиц, связанных с выбранным городским пространством. Культурная семантика города, как известно, определяется его названием и

пространственными параметрами [Лотман, 2000, с. 320].

Город как феномен культуры предстает сложным семиотическим текстом, который можно анализировать через концепцию Ю. М. Лотмана, рассматривающего город в трех аспектах: как имя, как пространство и как время. Такой подход раскрывает многослойность городской среды, где переплетаются знаки, исторические повествования и пространственные структуры. Название города выступает символом, вобравшим в себя мифы, ассоциации и идентичности, формирующие его уникальный облик. Город как время отражает взаимодействие прошлого, настоящего и будущего в архитектуре, традициях и текстах, сохраняя культурную память. Город как пространство представляет собой семиотическую систему, в которой каждый элемент – от улиц до построек – несет смысл, отображая социальные структуры и ценности общества. Ю. М. Лотман трактует город как многогранный семиотический инструмент и источник культурного развития [Деткова, 2009]. Анализ городского текста по Лотману позволяет понять, как город транслирует свою историю, объединяя семиотику, культурологию и урбанистику для целостного осмысливания городской среды как динамичной системы.

Город как имя

Наименование города – это не просто слово, а сложный знак, который структурирует культурное пространство, влияет на восприятие и формирует символическую связь между городом, его жителями и глобальным контекстом. Оно задаёт «тон» для интерпретации городской среды как текста культуры. Мы рассмотрим несколько существующих версий о наименовании города. По одной из версий, название города Каина, обусловлено корнями финно-угорского языка. Так, слово «каша» переводится как «тростник», а окружающая город река «Каинка», соответственно, это река, поросшая зарослями тростника. И перед нами предстаёт частая практика, когда город, основанный на реке, наследует её имя (прим., Вологда – р. Вологда; Свияжск – р. Свияга; Тверь – р. Тверца и т. д.).

Одним из ярких символов Кашина, связанных с наименованием города, является «кашинская вода», добываемая из артезианских источников и отличающаяся легким солоноватым привкусом. Местная легенда гласит, что эта особенность связана с Анной Каинской, тверской княгиней, чьи слезы, пролитые во время молитв за город и его

жителей во времена татаро-монгольского нашествия, превратились в целебную «живую» воду. Этот образ находит отражение в гербе города: согласно геральдическому архиву В. Маркова, в лазурном поле изображен серебряный фонтан с тремя струями, бьющий из золотой чаши, в сопровождении червленой митры с золотыми украшениями и золотого омофора с червлеными крестами вверху, а внизу – трех ступок белил [Гербы России ...]. Во второй половине XX века Кашин превратился в бальнеологический курорт, а выпуск минеральной воды стал важной частью городской экономики. Герб Кащинского района полностью уподоблен гербу города, но также его украшают епископская митра и лента, подчеркивающие роль города как духовного центра Тверской области. Название Кашина вплетено в титул тверских епископов («епископ Тверской и Кашинский») [«Гербы России» ...].

Альтернативная версия происхождения названия города связывает его с древнерусским словом «каша» – обрядовым свадебным блюдом. В XIX веке неизвестный автор сложил четверостишие, отсылающее к этой традиции:

*Сюда на кашу приезжали,
Нам говорили в старину.
Ее на площадях едали,
И назван Кашин потому.*

Этот образ стал одним из ключевых символов современного Кашина, что ежегодно подтверждается фестивалем каши, собирающим горожан и гостей.

Еще одно толкование названия города предлагает слово «кош» – место отдыха воинов. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля «кош» означает отдых, когда после битв гетманы и воеводы подбрасывали шапки, приветствуя долгожданное затишье [Даль, 2006]. Рассмотрим историю жизни и почитания Анны Кашинской, чтобы продемонстрировать, как образ святой и совершившие чудеса, стали основой для формирования духовной и культурной идентичности города Кашина, отражённой в его главном топониме. Обратимся к летописным свидетельствам и первым чудесам Анны Кашинской, чтобы понять, как её фигура, изначально связанная с историческими событиями Твери, обрела сакральное значение для малого города Кашина в период Смутного времени, укрепив веру в «невидимую силу», защищающую город, и способствовала его символическому возрождению.

Первые свидетельства о её чудесах дошли до нас не из житий, а из летописей. В Лаврентьевской, Симоновской и Троицкой летописях, где Анна Кашинская чаще всего фигурирует в событиях совместно с мужем – князем Михаилом Тверским: это заключение ими брака, проводы князя в Орду, встречей мощей князя Михаила, а также в государственных делах (восстановление Твери после Федорчуковой рати 1327–1328 гг., смерть внука в монастыре, где пребывала Анна-София) и церковных событиях (погребение епископа Феодора Доброго). Описание погребения особо выделяется: «Княгини же великаа София и вси приходящии к нему проводиша его с великым плачем до гроба» [Конявская, 2007, с. 56]. Народное почитание Анны Кашинской зародилось в Смутное время. «Чудо о пономаре именем Герасиме» повествует, что в 1611 году в Успенской церкви Кашина обнаружили гроб святой Анны. Автор «Чуда» подчеркивает ветхость храма: церковный помост, скрывавший захоронение, обрушился, обнажив гроб [Кучкин, 2001, с. 461]. Удивительно, что кашинцы не знали, кому принадлежит захоронение, а имя Анны почти стерлось из памяти, что проявлялось в небрежном отношении к гробу: солдаты клали на него шапки и даже садились на него [Голубинский, 1998, с. 161].

Однажды пономарь Герасим тяжело заболел. В одну из ночей ему явилась святая Анна Кашинская, исцелила его и сказала: «И почто гроб мой ни во что же вменяете и мене презираете? И доколе тако быти ми от вас попираеме ногами?» [Кучкин, 2001, с. 461]. Исцеленный Герасим, следя ее воле, поведал о явлении настоятелю храма и зажег свечу у гроба перед иконой Спаса Нерукотворного. Это чудо стало первым в цепочке из 41 чуда, письменно зафиксированных до канонизации Анны в 1650 году. Е. Е. Голубинский полагал, что почитание Анны Кашинской начало формироваться еще в эпоху «ляхолетья» или самозваницы, когда маленький Кашин устоял перед натиском польско-литовских интервентов. Исследователь считал, что тогда же родилась вера в некую «невидимую силу», хранящую город [Голубинский, 1998, с. 161–162].

Анализируя семиотический потенциал г. Кашина как имени, приходим к следующим выводам: во многом имя города влияет на формирование идентичности – символ исцеляющей «кашинской воды», житийные сюжеты, связанные с Анной Кашинской – всё это негласно говорит о том, что Кашин – сакральное место, место, где

происходят чудеса, охраняемое незримой божественной силой.

В контексте формирования духовной и культурной идентичности Кашина фигура Анны Кашинской приобрела особое значение, поскольку, в отличие от её мужа, князя Михаила Тверского, чья святость была тесно связана с политической историей Твери и борьбой за великокняжеский престол, Анна ассоциировалась прежде всего с локальными чудесами и защитой малого города в период Смутного времени. Её явления и исцеления, зафиксированные в летописях и преданиях, сделали её символом божественной милости и невидимой охраны, что позволило Кашину, как периферийному поселению, обрести самостоятельный сакральный статус, независимый от тверского княжеского наследия. Малый город Кашин становится духовным центром Тверской области, что также отражено на гербе Каинского района. Возвышение Анны Кашинской над фигурой мужа в местной мифологии подчеркивает переход от династической памяти к народному почитанию, укрепляя идентичность Кашина как места чудес и духовного возрождения, где женский образ святыни становится центральным элементом культурного нарратива, способствующим единству сообщества и привлекательности для паломников.

Среди представленных версий происхождения названия города Кашина ни одна не может быть признана однозначно предпочтительной с точки зрения строгой исторической или лингвистической достоверности. Однако с культурологической перспективы наиболее значимыми представляются финно-угорская версия («каша» – «тростник», связанный с рекой Кащинкой) и версия о происхождении наименования в связи с личностью Анны Кашинской. Тем не менее другие версии не отбрасываются, так как они дополняют семиотическое поле города, создавая многозначность. Например, версия с «кашней» активно используется в современном брендинге (фестиваль каши), а «кош» добавляет историко-военный оттенок, усиливая образ Кашина как устойчивого, защищённого пространства.

Город как пространство

В семиотическом анализе города как текста, предложенном Ю. М. Лотманом, пространственная структура выступает одним из ключевых аспектов, определяющих культурную семантику урбанистического феномена. Для Кашина, как типичного провинциального города с богатой историей, пространственный анализ позволяет вы-

явить, как естественные и искусственные элементы формируют символический ландшафт, отсылая к архетипам сакрального и защищенного пространства. Мы фокусируемся на двух основных моделях интерпретации: городе как микрокосме и как воплощении «иерусалимской матрицы». Эти модели не универсальны для всех городов, но особенно релевантны для Кашина благодаря его уникальной топографии (речной петле в форме сердца, огибающая городское пространство) и историческому развитию, где природа и архитектура переплетаются в семиотическую систему.

1. Город как отражение «космоса»

Город как семиотический феномен может быть осмыслен как микрокосм, воплощающий структуру государства и мироздания в целом. Вяч. Вс. Иванов подчёркивал, что город в древних культурах воспринимался как модель вселенной, где его структура зеркально отражает космический порядок: «Город рассматривается как модель пространства вселенной. Соответственно его структура отражает структуру мира в целом» [Иванов, 2007, с. 166].

Опираясь на труды Ю. М. Лотмана в вопросах семиотики, обратимся к его делению городов на концентрические и эксцентрические. Он пишет: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это „вечный город“» [Лотман, 1992, с. 10]. Город Кашин – типичный представитель концентрического города. Кашин был задуман как город-крепость, защищённый естественными преградами: река Кащинка, извиваясь в форме сердца, очерчивает границы города, создавая природную защиту города, а узкий перешеек с горой, на которой возвышается кремль, создаёт неприступный центр. Посад, укрытый внутри речной петли, был доступен только через кремль или мосты, это расположение – не просто стратегический выбор, но символический акт, где природа и архитектура совместно создают образ избранного города.

Речная петля, образующая «сердце», пересекается двумя природными осями (рис. 1) [Мокеев, 1990] – продольной и поперечной, формируя крест, который стал основой градостроительной концепции. Этот крест, как сакральный знак, был усилен храмами, выстроенными вдоль осей. Первым стал Воскресенский собор, посвящённый

Христову Воскресению – центральному событию христианской веры. За ним последовали храмы Пресвятой Троицы, Богоявления, Рождества Христова, Рождества Богородицы и другие, все они разместились внутри «сердца» [Авдеев, 2014]. К концу XVI века храмы начали возводить за пределами речной петли, вдоль осей, достигая слободских окраин. В итоге крест из церквей пронзил весь город. Так, храмы, выстроенные вдоль крестообразных осей, создают радиальную структуру, исходящую из центра, что можно рассматривать как аналог концентрических кругов, хотя и с крестовой, а не кольцевой логикой.

Основополагающим фактором для такого устроения города были природные условия, которые и определяли дальнейший вектор застройки городского пространства.

М. Н. Городова подчёркивает связь архитектуры с сакральным: «Что бы из себя ни представляли эти священные пространства, у них есть одна общая черта – четкие границы, внутри которых можно соприкоснуться (хотя и во множестве различных форм) со священным» [Городова, 2007]. Обратим внимание на символику числа внутри города – число храмов к началу XVII века достигло тридцати трёх – символ земных лет Христа.

Рисунок 1. Общая схема градостроительной композиции г. Кашина XVI–XVII вв.

2. Пространство г. Кашина как отражение Иерусалимской матрицы

По нашему мнению, градостроительная планировка г.Кашина постоянно отсылает к образу Нового Иерусалима, воплощая его как историко-культурную модель священного города. Храм Входа Господня в Иерусалим, построенный на Московской дороге, встречает каждого, кто посещает город, символически связывая Кашин со Святым градом. Город Кашин лежит в низине, на 20 метров ниже окружающей местности, окружённый водой и защищённый кремлём – подобием Золотых врат. Расстояние между Воскресенским собором и Вознесенской церковью – 350 метров – по местным преданиям, совпадает с расстоянием между горой Сион и горой Элион в Иерусалиме, что усиливает эту аналогию. Кашин становится пространственно-временным вопло-

щением божественного порядка, так как по теории М. Элиадэ о священных местах, доказывая свою причастность к «священному пространству, город воспроизводит мифическое время» [Элиаде, 1999, с. 34–45].

Вопрос об Иерусалиме – историческом или эсхатологическом – остаётся открытым. Кашин не претендует на роль Града Небесного, сходящего с небес (Откр 21:2–10), но выступает как земная аллюзия на Иерусалим, где храмы и их расположение служат отражением священного города. Эта «иерусалимская матрица» формирует защитную инфраструктуру, укоренённую в религиозном сознании, где чёткие границы – река, кремль, храмы – отделяют сакральное пространство от профанного.

Пространственная структура Кашина – это не статичный текст, а динамическая семиотическая система, где микрокосмическая логика и «иерусалимская матрица» эволюционируют под влиянием исторического диалога, город не только хранит архетипы защищённого пространства, но и адаптирует их к вызовам современности, становясь моделью устойчивой культурной идентичности для малых городов.

Город как время

Город как время представляет собой динамичный нарратив, где исторические слои переплетаются с мифологическими, формируя ощущение вечности и непрерывности. Для Кашина эта перспектива особенно актуальна, поскольку отсутствие точной датировки основания (первое упоминание в летописях относится к XIII веку, но археологические данные предполагают более раннее происхождение) способствует восприятию его как «вневременного» локуса. Мы интерпретируем Кашин как «вечный город» не в буквальном смысле (как Рим или Иерусалим), а как культурологическую конструкцию, где «иерусалимская матрица» (ранее описанная в пространственном аспекте) усиливает темпоральную семантику. Эта версия опирается на локальные предания, летописные источники (Лаврентьевская, Симеоновская летописи) и современные культурные практики (фестивали, туризм), подтверждая устойчивость образа в коллективной памяти. В современной культуре это поддерживается краеведческими инициативами и туристическим брендом Кашина как «города застывшего времени», что отличает его от других провинциальных городов, где такая сакрально-временная связь менее выражена.

История Кашина, насчитывающая почти тысячу лет, формирует образ «вечного» города. Отсутствие точной датировки в становлении города, даёт основания к восприятию его вне временных. Что связано с «Иерусалимской моделью» городского пространства. Город пережил нашествие татаро-монгол в 1238 году, трижды уцелевший от вторжения поляков в 1609 году, нельзя не вспомнить представление о «невидимой защите» Кашина.

Для понимания города как времени важно сказать о XIX веке – периоде в истории города, когда он расцвёл благодаря купцам, чья набожность, а потому и дальнейшая щедрость украшали город. Воскресенский собор (1867), публичная библиотека Черенина, больница Манухиных, краеведческий музей Кункина и железная дорога до Санкт-Петербурга сделали Кашин одним из доминантных культурных центров области. Этот период в истории города, как часто принято отсылать к античной традиции, называют «золотым веком» в истории города.

Сегодня Кашин – город-курорт, где время словно замирает. Несспешный (частый маркер провинциального локуса) город, как и течение главной городской реки. Когда говорят о Кашине, то туристы и сами горожане часто маркируют его как «город застывшего времени» («Кашин застыл во времени, и воспринимается это без особой боли», – Георгий Абзианидзе; «Калязин и Кашин – города, где время застыло, – Андрей Гавриков), а одна из версий, по которой наименование города происходит от «кош», как место отдохновения, полностью соотносится с современными представлениями о городе. Семантический потенциал города-курорта определяется как его оздоровительной – преображающей – функцией, обусловленной уникальными природно-климатическими факторами, так и очевидной привязкой к главному топониму исследуемого локуса [Богумил, 2023].

Заключение

В ходе семиотического анализа города Кашина как текста, опирающегося на концепцию Ю. М. Лотмана (город как имя, пространство и время), мы раскрыли его как уникальный провинциальный нарратив, где знаковая система интегрирует мифологические, исторические и сакральные элементы в единую «душу города» (по Н. П. Анциферову). Уникальность Кашина как семиотического конструкта Бежецкого Верха проявляется в синтезе природной топографии (река Кащинка, формирующая «сердце» с крестообразными ося-

ми храмов) с «иерусалимской матрицей» (аллюзии на Новый Иерусалим через расположение Воскресенского собора и Храма Входа Господня, символизирующие божественный порядок по М. Элиаде), что отличает его от других городов Бежецкого Верха, таких как Бежецк или Весьегонск. Имя города, многозначное по версиям происхождения, транслирует сакральный потенциал через символы исцеления («кашинская вода» как слезы святой, отраженные в гербе) и защиты («невидимая сила», защищающая город в разные исторические эпохи). Временной нарратив подчеркивает «вечность» Кашина: от татаро-монгольского нашествия 1238 г. и выживания в 1609 г. до «золотого века» XIX в. (купеческий расцвет с Воскресенским собором 1867 г.) и современного статуса курорта («город застывшего времени» с целебными источниками кашинской воды). Это обогащает региональную идентичность Бежецкого Верха, предлагая основу для туристических маршрутов, реставрации храмов и образовательных программ по культурологии и урбанистике, где провинциальность Кашина предстает не маргинальной, а поливалентной, обогащающей дискурс русской идентичности.

Библиографический список

1. Авдеев А. Г. Эпиграфика и древнерусское градостроительство: надгробия конца XV–XVI в. и градостроительная структура Кашина // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 1 (56). С. 147–167.
2. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с
3. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград : Сеятель, 1926. 148 с.
4. Богумил Т. А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367.
5. «Гербы России». Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/kashin.htm> (дата обращения 23.09.2025)
6. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской Церкви. Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1998. 597 с.
7. Городова М. Н. «Какова мера ангела...» (О некоторых особенностях числовой символики в архитектуре древнерусских храмов) // Традиции и современность. 2007. № 6. С. 37–52.
8. Грэвс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. Пг., 1921. № 1.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Москва : РИПОЛ классик,

2006. Том 2. И-О. – 784 с. К. С. 70–233. (Золотая коллекция).
10. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18(156). С. 63–69.
11. Иванов В. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. Москва : Языки славянских культур, 2007. С. 165–179.
12. Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. Москва, 2007.
13. Кошелевский В. Н. Летопись города Кашина (VI–XX вв.). Тверь : Издательство ГЕРС, 1999. 113 с.
14. Кучкин В. А. Анна (София) Кашинская / В. А. Кучкин, И. А. Епифанов, Я. Э. Зеленина // Православная энциклопедия / под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Том 2. Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 461–463.
15. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 2. 478 с.
16. Лотман Ю. М. Символика Петербурга // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. С. 320–334.
17. Мокеев Г. Я. Кашин. Величие и нищета // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1990. № 2 (22). URL:<https://hram-tver.ru/hram-tver.ru/index.php/khramy-tverskoj-oblasti/kashin/2399-gradostroitelnaya-kompozitsiya-kashina-xvi-xvii-vekov> (дата обращения: 23.09.2025)
18. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Языки русской культуры, 1997. 540 стб. С. 541–733. 1 л. факс. (Полное собрание русских летописей).
19. Полное собрание русских летописей. Т.2: Ипатьевская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Языки русской культуры, 1998. 938 стб., 146 с. (Полное собрание русских летописей).
20. Полное собрание русских летописей. Полное собрание русских летописей. Т.18: Симеоновская летопись / изд. А. Кошелев. Москва : Знак, 2007. 316 с. (Полное собрание русских летописей).
21. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2003. 616 с.
22. Элиаде М. О сакральном аспекте освоения пространства // Космос и история. Москва, 1987. 479 с.
- Reference list**
1. Avdeev A. G. Jepigrafika i drevnerusskoe gradostroitel'stvo: nadgrobija konca XV–XVI v. i gradostroitel'naja struktura Kashina = Epigraphy and Old Russian town-planning: tombstones of the late 15th-16th century and the town-planning structure of Kashin // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2014. Vyp. 1 (56). S. 147–167.
 2. Anciferov N. P. Dusha Peterburga = The sole of Petersburg. Sankt-Peterburg : Brokgauz-Efron, 1922. 226 s
 3. Anciferov N. P. Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda = Ways of studying the city as a social organism. Experience of a complex approach. 2-e izd., ispr. i dop. Lenigrad : Sejatel', 1926. 148 s.
 4. Bogumil T. A. Semiotika gorodov Sibiri: tipologicheskij aspekt = Semiotics of Siberian cities: a typological aspect // Kritika i semiotika. 2023. № 1. S. 350–367.
 5. «Gerby Rossii» = Russian coats of arms. Russian Centre of Vexillology and Heraldry. URL: <https://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/kashin.htm> (data obrashchenija 23.09.2025)
 6. Golubinskij E. E. Istorija kanonizacii svyatyh v russkoj Cerkvi = History of canonizing saints in the Russian Church. Moskva : Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te, 1998. 597 s.
 7. Gorodova M. N. «Kakova mera angela...» (On nekotoryh osobennostjah chislovoy simvoliki v arhitekture drevnerusskih hramov) = «What is the angel's measure...» (On some features of numerical symbolism in the architecture of Old Russian churches) // Tradicii i sovremenost'. 2007. № 6. S. 37–52.
 8. Grevs I. M. Monumental'nyj gorod i istoricheskie jekskursii = Monumental city and historical tours // Jekskursionnoe delo. Pg., 1921. № 1.
 9. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language : v 4 tomah. Moskva : RIPOL klassik, 2006. Tom 2. I-O. – 784 s. K. S. 70–233. (Zolotaja kollekcija).
 10. Detkova N. Ju. Malyj provincial'nyj gorod kak tekst kul'tury = A provincial town as a cultural text // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 18(156). S. 63–69.
 11. Ivanov V. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki = Selected works on semiotics and history of culture. Vol. 4: Sign systems of culture, art and science. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. S. 165–179.
 12. Konjavskaja E. L. Ocherki po istorii tverskoj literatury XIV–XV vv. = Essays on the history of Tver literature in XIV–XV centuries. Moskva, 2007.
 13. Koshelevskij V. N. Letopis' goroda Kashina (VI–XX vv.) = The chronicles of the city of Kashin (VI–XX centuries). Tver' : Izdatel'stvo GERS, 1999. 113 s.
 14. Kuchkin V. A. Anna (Sofija) Kashinskaja = Anna (Sofia) of Kashin / V. A. Kuchkin, I. A. Epifanov, Ja. Je. Zelenina // Pravoslavnaja jenciklopedija / pod obshhej redakcije Patriarha Moskovskogo i vseja Rusi Aleksija II. Tom 2. Moskva : Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavna ja jenciklopedija», 2001. S. 461–463.
 15. Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i = Selected articles: V 3 t. Tallin : Aleksandra, 1992. T. 2. 478 s.
 16. Lotman Ju. M. Simvolika Peterburga = Peterburg's symbolism // Lotman Ju. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhih mirov. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2000. S. 320–334.

17. Mokeev G. Ja. Kashin. Velichie i nishhet = Kashin. Grandeur and poverty // Pamjatniki Otechestva: Al'manah Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury. 1990. № 2 (22). URL:<https://hram-tver.ru/hram-tver.ru/index.php/khramy-tverskoj-oblasti/kashin/2399-gradostroitelnaya-kompozitsiya-kashina-xvi-xvii-vekov> (data obrashhenija: 23.09.2025)
18. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1: Laurent'evskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1: Laurentian Codex / izd. A. Koshelev. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 540 stb. S. 541-733. 1 l. faks. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
19. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2: Ipat'evskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2: Hypatian Codex / izd. A. Koshelev. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 938 stb., 146 s. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
20. Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 18: Simeonovskaja letopis' = Complete collection of Russian chronicles. Vol. 18: The Simeon chronicle / izd. A. Koshelev. Moskva : Znak, 2007. 316 s. (Polnoe sobranie russkih letopisej).
21. Toporov V. N. Peterburgskij tekst russkoj literatury = Petersburg text of Russian literature: izbrannye trudy. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2003. 616 s.
22. Jeliade M. O sakral'nom aspekte osvoenija prostранstva = On the sacral aspect of space development // Kosmos i istorija. Moskva, 1987. 479 s.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 23.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025